

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ – КАК ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

1.

Проблема, предлагаемая к обсуждению, может быть обозначена как проблема рационального деятеля. Выявление и обозначение границы между рациональным и иррациональным в поступке исключительно важно, если мы предполагаем *оценивать* поступок. Всякий раз эта имеющая явно выраженную этическую окраску проблема возникает, когда мы *судим*. И речь идет не только о правосудии, в коем оценивание и осуждение принимают формы отчужденного института, ритуала и церемониала, но о повседневном оценивании и осуждении как таковом, являющимся едва ли не главным регулятором человеческих взаимоотношений.

В качестве иллюстрации главной идеи данной статьи обратимся к роману Альбера Камю "Посторонний", в котором герой недоумевает, почему черствость, выказанная им на похоронах матери, усугубляет его вину за совершенное позднее убийство человека. Если описать позицию его судей в терминах моральной философии П.Рикера, то получится, что они исходят из убеждения, что "я" человека не есть длительность, но - точка отсчета, внутри себя не изменяемая. Убеждена, однако, что мысль П.Рикера о том, что "я" говорящего, действующего, не есть событие, о котором можно было бы сказать, что оно «случается» или «происходит», - спорна. (См.: Рикер, «Какого рода...», с. 46). Кроме того, мне представляется исключительно важным доказать, что тип "я" не может быть описан в одной и только одной системе координат.¹

Я хочу сказать, что статус агента действия как автора или владельца этого действия каждый раз заново *восстанавливается*, это программа нуждающаяся в постоянном *подкреплении*. Бывают сколь угодно часто ситуации, когда не человек является автором и владельцем действия, но сама логика ситуации владеет человеком. Человек противостоит целостности происходящего. Его целостность как бы испытывается целостностью того, что перед ним. Так, ситуация на пляже, описанная в вышеназванном романе, требовала разрешения: либо должен был быть убит араб, с которым у друга главного героя были давние счеты, либо герой должен был восстановить свою собственную целостность, проведя процедуру самоидентификации, и, следовательно, не убивать, но жара, усталость лишили его необходимых для этого сил. «Его» отказалось, иными словами, отождествиться с одним из индивидов, существовавших в данный момент в мире. Тогда желающая обрести фабульную завершенность ситуация сделала своим орудием отказавшегося собрать себя воедино человека. В данном случае, конечно, героем двигало его эстетическое сознание, эстетическая программа мировосприятия, или же, скажем иначе, эстетическая типология ценностей, среди которых *целостность* является наиболее важной. Неумение сказать «да», прервать поток раз-

¹ При этом, вслед за Пирсом, я различаю «я» как «тип» и «я» как «знак», где тип определяется необходимостью быть каждый раз кому-либо приписанным. (См.: Рикер, с.46.)

личений и уточнений, одним ударом отсечь расплывающуюся опухоль дискурса, - вот следствие эстетизации сознания. Ответственность возможна лишь тогда, когда «да» будет означать только да и ничего более, но об этом - позднее.

Собирание себя воедино можно обозначить как обретение *тождественности*. Э.Фромм определяет тождественность как переживание, «которое позволяет человеку с полным основанием сказать: я – это я, т.е. активный центр, организующий структуру всех видов моей реальной и потенциальной деятельности» (Фромм, с. 377 – 378). Но *тождественность, как только человеческое качество, есть процесс, всякий раз нуждающийся в подкреплении, обновлении и актуализации.*

Личность всякий раз восстанавливается, но энтелехия ее, силы на то, чтобы восстанавливать себя как целое, источником своим имеют *не самого человека только*. Религиозный философ скажет, что здесь в надприродности личности действует провидение. Я скажу: доверие к другим, которое необходимо, чтобы подключаться к силе сообщества, выраженной в разделяемом всеми «желании жить вместе» (термин Х. Арендт).

«Я» именно *случается и происходит*. Мы совершаем ошибки или даже преступления потому, что события застают нас врасплох. Быть всегда самим собой – трудная работа. В каком-то смысле личность – это профессиональный дозорный. Что же и от кого он защищает? Осмелюсь предположить: себя и от себя же, от искушения отождествлять себя с любым другим индивидом, существующим в данный момент в мире. Оттого «Кто виноват?» и «Кто ответственен?» – вопросы, расположенные в разных точках временного отрезка.

Успешная социализация – всего лишь идеальная модель, которая никогда, никем не может быть реализована в полной мере. Мы не знаем критерия успешности социализации. Когда, при описании борьбы маргинальной личности за статус, - беспокойство, агрессивность, неспособность наслаждаться, мнительность ставят в один ряд с новаторством и творчеством (а так поступают, например, Р. Парк, О. Браун и Е. Рейтер), - критерий успешности социализации так и остается не определенным.

Я хочу сказать, что даже тогда, когда такой критерий будет сформулирован, мы не сможем отличать «нормального» человека от маргинала. Следует помнить, что социальные и гуманитарные науки описывают уникальный объект – людей, обладающих сознанием и наделяющих свои поступки смыслом или значением сообразно с самостоятельно и вовсе не всегда рационально выбранными ими программами (маргинального или нормального поведения). Социальная идентификация не может состояться раз и навсегда. Угроза ее утраты – метаконтекст жизни.²

2.

Что мы знаем об ответственности? Что означает само слово «ответственность»? Система ценностей европейца, на которой лежит печать римского юризма, распространяется скорее на *уже вступивших в отношения* личностей. Что я имею в виду, используя выражение «римский юризм»? Система ценностей и добродетелей римского гражданина, сложившаяся к середине I века до

² Лукман и Бергер пишут, что даже полностью социализированный индивид продолжает воспринимать себя как «организм, обособленный, а иногда и противостоящий социально выводимым объективациям себя самого» (Лукман, Бергер, с.294).

н.э., понимает ответственность как то, что выявляется в *поступке*. Ответственность человека за интерпретацию себя самого не берется в расчет. Но не учитывать исторически сложившееся различие в понимании тайны личностного бытия человека в восточной и западной культурных традициях, - было бы грубой ошибкой. Для первой человек - это, прежде всего, *ипостась*, от греческого «подставка», фундамент, т.е. то, что сокрыто, интимно, но «основательно». Для римского права и, шире, культуры, человек становится заметен, выявлен лишь тогда, когда он вступил в отношения с другими людьми, и здесь человек прежде всего -- *персона*.³

Оставив пока этот вопрос, замечу, что античное мировосприятие в целом превыше всего ставило общую пользу коллектива и ее совпадение с пользой каждого его члена. И что особенно интересно: пожертвовать собой для *civitas* значило пожертвовать собой для своего *правильно понятого* интереса.⁴

Посмотрим на идеологию *civitas*: здесь долг служения гражданской общине означал прежде всего *мужество* *virtus* как синоним добродетели, включающей *храбрость*, *выносливость*, *трудолюбие*, *достоинство* и *честность*, а также *справедливость* *ius*, *верность долгу* и *клятве* *fides*, *исполнение долга* *pietas*, *согласие* *concordia*, *почет* и *всенародное одобрение* *honos*, *свободу* *libertas*, а также *равенство перед законом*. При этом богатство и высокое положение в обществе предполагало большую ответственность человека перед гражданской общиной. Почему? Можно предположить, что в расчет берется в данном случае количество свободного времени, которым располагает более обеспеченный гражданин, времени, которое он может тратить на выверение себя, где сам он при этом свободен не выбирать между моральным поступком и голодными глазами своих детей.

Ответственность трактовалась как *правильно понятый долг*. Следовательно, существовало правило, следуя указаниям которого, можно было усовершенствовать себя и стать счастливым. Представители философских школ античности считали наиважнейшей задачей научить слушателей понимать долг правильно, что гарантировало достижение счастья и благополучия.

Ответственность требует от личности состояния тождественности и целостности, а также готовности подчинить свои интересы интересам общества. Культ независимой ни от кого индивидуальности в картине мира Ренессанса не мог не сказаться на понимании ответственности. Об оборотной стороне культуры Возрождения написано немало, сама краткость этой эпохи и та поспешность, с которой классицисты принялись за развенчание идеалов предшественников, говорит о неприемлимости для социумной стабильности и безопасности идей возрожденцев.

Атрибут всеобщности и ответственности, идеал свободной личности обретет вновь лишь в эпоху Просвещения... Просветительский классицизм не отбрасывает антропоцентрическое отношение к миру, но это отношение образует как бы второй центр, сосредоточенный не на личности, а на коллективе.

³ Прекрасное изложение вопроса об отличиях западной и восточной традиций понимания личности и индивидуальности можно найти у А.Кураева (см.: Кураев, с.14 -31).

⁴ Отмечу, что это простое и ясное соотношение между благом коллектива и каждой его частицей исключало, или, во всяком случае, сводило к минимуму отчуждение индивида.

Но вернемся к нашему рассуждению. Итак, индивид сам выбирает, «метит» те внешние элементы, которые будут значимы для него, руководствуясь при этом социально вырабатываемыми правилами и критериями. Тогда мы вправе спросить о правиле, по которому происходит отбор внешних влияний. «Как вербуются те, которых мы стыдимся или перед которыми чувствуем себя виноватыми?» – вот вопрос, который еще ждет ответа.

Такие понятия, как «ответственность», «ценность», «интенциональность», «свобода» я, вслед за Э. Агацци, склонна относить к классу так называемых *феноменологических очевидностей*, которые своей точкой отсчета имеют содержание живых переживаний и, следовательно, не могут быть логически выведены из наблюдаемых фактов. Э. Агацци отмечает, что подобные понятия могут лишь приниматься как данные в контексте личного опыта, либо «концептуализироваться в рефлексии, пытающейся придать значение этой переживаемой очевидности и распознать условия, при которых это возможно» (Агацци, с. 78).

Как известно, особенно тщательно проблема следования правилу была отрелективирована Л. Витгенштейном в его «Философских исследованиях». Начнем с интересного наблюдения Витгенштейна, который пишет: «212. Если задание продолжить ряд мне дает кто-то, кого я боюсь, то я действую быстро и с полной уверенностью, и нехватка оснований не беспокоит меня.» (Витгенштейн, с. 166). И далее: «219...Повинуясь правилу, я не выбираю. Правилу я следую слепом» (Там же, с. 167).

Быть ответственным – следовать правилу, причем следовать слепом, а это возможно лишь, если доверяешь чему-то, что выше и сильнее тебя. Готовность следовать правилу, точнее, сама способность следовать правилу заложена в мифологическом, скажем так, слое сознания. Иными словами, следование правилу требует от сознания мифологических характеристик. Запрет, лежащий в основании правила, бессодержателен, но формален. Прежде всего это касается моральных запретов, я уж не говорю о правилах этикета. Примечательное дополнение: «217...мы иногда требуем объяснений не ради их содержания, а ради формы. Наше требование – архитектурное, объяснение – не несущая конструкция, а декоративный карниз», – пишет Витгенштейн (там же, с. 167). Предположим, что несущая конструкция – традиция как система запретов, где запрет – формален и не имеет смысла. Он не может быть представлен в ясной вербальной форме.⁵ Правило, лежащее в основании запрета, осмысляется потом благодаря чисто человеческой, мифотворческой способности создавать повествование вокруг «ничего». Сознание всегда интенционально, направлено на что-то (Гуссерль), и если этого «что-то» нет, то оно будет воображено, воссоздано.

Так трудно объяснить ребенку, почему что-то нельзя. Все объяснение на самом деле бесполезно и бессодержательно, и сводится к выражению: «Это нельзя, потому что это нельзя никому». Ребенок возражает, требуя рационального и логически безупречного обоснования запрета. Тогда учитель говорит твердо:

⁵ Вспомним, например, что Кант хранил в своем кабинете портрет Руссо, который восхищал его именно тем, что наиболее точно описал состояние нравственной очевидности, поставив его тем самым выше разума, которому, чтобы обосновать то, что очевидность дала так просто и непосредственно, нужно было бы постичь все мировые хитросплетения и законы, что конечно же совершенно невозможно.

«Это нельзя, потому что нельзя». И ребенок успокаивается, удовлетворенный, так как его сознание сталкивается с тавтологией, бессодержательностью, пустотой, которая невыносима, всегда больше человека и вызывает оттого страх.

Вот как объясняет Витгенштейн встречу с бессмыслицей и преодоление ее мифологическим сознанием: «216. «Вещь тождественна самой себе», - нет лучшего примера бесполезного предложения, которое тем не менее связано с какой-то игрою воображения, то есть мы в своем воображении как бы вкладываем вещь в ее собственную форму и видим, что она заполняет ее» (там же, с. 166 – 167).

Вот еще более примечательная мысль: «224. Слово «согласие» («Übereinstimmung») и слово «правило» («Regel») родственны друг другу, они двоюродные братья. Обучая кого-нибудь употреблять одно из этих слов, я тем самым учу его и употреблению другого» (там же, с. 168).

Что значит выражение: «человек поступил справедливо», «это – добродетельный поступок»? Значит ли это, что есть эйдос добродетельного поступка или правило добродетельности, согласно с которым тот или иной поступок заслуживает обозначения как именно добродетельного? Я хочу сказать, что «добродетель», «справедливость», «ответственность» – это слова, которые ничего не обозначают, если не выведено и не известно всем такое правило. Но еще сложнее дать ответ на вопрос: *соблюдено ли правило*, даже в математике.

В этике не так много «само собой разумеющихся» правил. Сказать: «Поступай с другим, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой» и решить, что этим сняты все трудности, - было бы слишком просто, ведь для начала нужно ответить себе на вопрос «кто этот «я», который хочет, чтобы с ним поступили справедливо?» и «что этот я хочет в действительности?», или, наконец, «который во мне получает право на высказывание желаний?».

Я хочу сказать, что идентичность – это проблема. В чем же она заключается? Ю. Хабермас пишет, что идентичность человека, «моя концепция меня самого как автономно действующего и полностью индивидуализированного существа», может быть устойчивой лишь в том случае, если человек получает особого рода подтверждение, «согласие неограниченного коммуникативного сообщества», «признание со стороны идеальной аудитории, причем «признание и как вообще личность, и как эта индивидуальная личность» (Хабермас, Понятие..., с. 206). Концепция самости нуждается в постоянном подтверждении со стороны других. Более того, как считает немецкий мыслитель, «самость этического самопонимания не является абсолютной внутренней собственностью индивида» (там же, с. 206). Нельзя просто для себя самого удерживать казалась бы мое собственное «я», так как оно попросту мне не принадлежит.

Мифологически ориентированное сознание отвечает за доверие правилам, сформулированным другими. *Не приводит ли это к выводу, что чем активнее мы очищаем сознание от следов мифологичности, тем затруднительнее для нас следовать моральным правилам?*

Вот примечательная мысль лауреата Нобелевской премии, экономиста Фридриха Хайека. Он говорит: «Индивид, участвуя в общественных процессах, должен быть готов и испытывать желание приспособить себя к переменам и соглашениям, которые не являются результатом разумного плана, чье оправдание в частном случае может не быть явным, и которые ему часто представляются неразумными» (Хайек, с. 40). «Желание подчиняться таким правилам, не только пока человек понимает их причину, но пока у него нет определенных причин к

противоположному, является основным условием постепенной эволюции и улучшения правил отношений в обществе; и готовность подчиняться продуктам социального процесса, который никто не задумывал, и по причинам, которые никто не может понять, также является нераздельным условием» (там же, с. 41).

Не могу удержаться от дальнейшего пространного цитирования столь согласных моим рассуждениям о неомифологичности замечаний Хайека об ответственности человека перед правилами, выработанными другими. Он пишет: «Необходимость в любом сложном обществе, в котором последствия чьих-либо действий простираются далеко за пределы кругозора совершивших их, а также индивидуального подчинения анонимным и кажущимся иррациональными силам общества – подчинения, которое должно состоять не только из принятия правил поведения, представляющих некую ценность и не требующих изучения, что, в частности, зависит от степени их обозримости, но также и из готовности предать себя переменам, которые могут серьезно повлиять на будущее индивида, возможности и причины чего могут быть при этом ему непостижимы» (там же, с. 41).

Итак, мы сталкиваемся с противоречием: с одной стороны, правилу следуют слепо. В том смысле, что необходимость подтверждения самости со стороны других не должна подвергаться сомнению, но восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Согласованность как собранность голосов воедино, – вот условие существования правил как таковых. Вне готовности доверять сообществу, вне веры в способность коллектива принимать правильные решения просто невозможно применение правил каждым отдельным его представителем.

С другой стороны, – и это прежде всего относится к моральным предписаниям, – ни о каком автоматизме при исполнении законов, следовании правилам говорить ни в коем случае нельзя. Особенно это касается исполнения моральных предписаний. Инерциальное следование своей человеческой, «слишком человеческой», как сказал бы Ницше, природе, понимаемое в православном богословии как грех, – является едва ли не основным препятствием благой жизни. Грех – это инерция. Автоматическое движение, каковым является ответ на пощечину, месть и воздаяние врагу по справедливости, где действует правило «око за око, зуб за зуб», – естественны, «слишком человечески», при этом целостность события движет человеком, а не человек являет миру трансцендентное воление.

4.

Но вернемся к роману А. Камю. Я хочу спросить, не заключает ли система оценивания, (-) судия в себе некоторую подмену? Осудить (проверить и перепроверить) можно только то, что остается более или менее неизменным. Как говорит Г. Бергман (известный кроме прочего своей полемикой с Витгенштейном по поводу некоторых положений его «Трактата» и «Исследований»), «в этом смысле индивиды сознания не могут буквально быть проверены – не в силу их закрытого, личного (private) характера, а в силу их мимолетности» (Г. Бергман, с. 328). Кстати, «Личность» у Г. Бергмана образно характеризуется как внутренняя поверхность некой сферы, а ее свойства, которые «суть единственные вещи, которые она может знать» – как покрытия этой поверхности. «Внутренняя часть или активно создает эти постоянно меняющиеся покрытия, или, по крайней мере, активно навязывает структуру тому, что отображается на поверхности извне» (там же, с. 330 – 331).

Момент сознания только кажется единым. В рамках каждого такого мо-

мента сознание колеблется между знанием и знанием об этом знании. Примечательна мысль Г. Бергмана о том, что «знание о знании – это всегда поступок» (там же, с. 328). Выходит, что мы должны судить не за убийство, но за, скажем пока упрощенно, безволие. Мы судим, далее, не за уже совершенное, но за могущее быть совершенным вновь. Осуждая, мы – *защищаемся*. Мы не говорим: примем в расчет множество добродетельных поступков, которые может совершить этот человек в будущем. Мы склонны говорить: примем в расчет множество злодеяний, которые этот человек может совершить в дальнейшем. В любом случае, источником наших решений выступает не прошлое, но будущее. Ведь мы действительно не можем *знать*, что в будущем данный человек вновь будет совершать то, за что мы его судим, как не можем *знать*, что «завтра, как и вчера встанет солнце». Я хочу сказать, что мы судим с запасом. Вероятно, некоторые действия не могут быть определены без избыточности. И дело здесь в том, что человек обращен к будущему. Прошлого просто не существует. Точнее, прошлое не является точкой отсчета наших настоящих решений. Более того, осуждая с запасом, мы демонстрируем наше истинное отношение к сообществу, к сообщественности людей. Никого на самом деле не удовлетворяет мысль о том, что преступник уже наказан тем, что он отныне отвержен, что он отныне потерял наше уважение, что все отвернулись от него, а имя его стало знаком беды. Если бы мы считали коллектив ценностью, мы бы согласились с тем, что сама поимка преступника, предание негативной огласке его имени – уже страшное и *достаточное* наказание. В противном случае мы должны признать, что судим преступника «с запасом», т.е. за его возможные *будущие* преступления против кого-либо из нас.

Я хочу, чтобы мы отдавали себе отчет в том, что, требуя смерти, убийцы мы поступаем естественно или «слишком человечно».

5.

Признаю, что в силу исключительной сложности заданной темы, рефлексия вылилась, в конечном итоге, в отчет о том, о чем мне удалось или так и не удалось спросить. Я просто обратила внимание на наличие некоторых вещей, которые всякий системно организованный язык *показывает*, но которые *могут быть выражены только избыточно*. Что же удалось представить в виде вопросов, а что – еще не позволяя о себе спросить, еще остается тем, о чем мы не научились пока спрашивать?

Я отстаивала убеждение и мысль о том, что одно дело судить и наказывать человека за его поступок, который возможен лишь в состоянии тождественности (где поступок я понимаю, вслед за Бергманом, как знание о знании), но совсем другое – наказывать за отсутствие поступка.

Я, далее, так и не смогла ответить на вопрос: является ли разлад в намерении достоянием только психически нездорового человека? Если «да», то как это «лечится» и лечится ли вообще?

⁶ Возможно и другое предположение: «Жизнь вместе» является столь очевидной, не требующей обоснований ценностью, что всякий покусившийся на ее правила воспринимается обыденным сознанием как «урод» (где часть «у» означает «вне») и автоматически выносится за границы рода, подвергаясь естественной выбраковке.

⁷ Напомню, что в данном случае речь идет не о разнице между предумышленным убийством и убийством по неосторожности.

Я обнаружила, в-третьих, противоречие, которое заключается в том, что требовать от человека ответственного поведения можно лишь в правовом обществе, но правовое общество не может быть создано при отсутствии ответственного поведения людей его составляющих. Требовать от человека любви к дальнему, т.е. *ответственного* поведения и не дать ему сил для этого противостоит ответственного поведения в виде Бога или ответной любви людей – жестоко. Ждать от человека желания относиться к дальнему как к ближнему, т.е. быть ответственным, - значит дать человеку гарантии взаимности, что возможно лишь в правовом обществе.

Я пыталась показать на протяжении всей статьи, что, призывая человека к ответственности, мы требуем, чтобы его «да» означало только «да» и ничего больше. К сожалению, мы забываем при этом, что сведение себя «к одной точке» требует мужества и определенной сноровки. Самоидентификации учат, но если мы перестаем *верить* нашим учителям, применение моральных правил становится крайне затруднительным.

Вместо заключения

Меня не оставляет мысль о том, что теорема о неполноте К.Геделя («Если система непротиворечива, то она неполна»), имевшая своим логическим продолжением принцип дополнительности в теоретической физике,⁹ не может не иметь никаких следствий для наук о человеке. Витгенштейн противопоставлял физическое описание реальности (то, что может и должно быть сказано ясно) этическому (тому, о чем следует молчать и что следует «делать, не спрашивая»). Представляется, что человек находится на пересечении этих описаний. В данной работе я пыталась спросить: не требуем ли мы от индивида невозможного: поступать ответственно и очищать сознание от элементов иррационализма, поступать ответственно и ничего не брать на веру?

⁸ Данная проблема является предметом исследований П.Рикера.

⁹ Поскольку при помощи одной дедуктивной системы нельзя непротиворечиво и полно описать реальность, то реальность может быть адекватно описана только в дополнительных системах описания, - так кратко можно изложить эту теорему.